

— Да не стоит, правда! — замахал руками Чэнь Нянь. — Я лучше у ребят спрошу, может, у кого завалялась булка или типа того.

— В школу нельзя проносить еду, — возразил Шафулай.

По нему было видно, что отговаривать бесполезно: он уже достал из рюкзака складной зонт и буднично добавил:

— Я как раз сегодня в старых кроссовках. Извазюкаются — дома постираю.

— Тогда... я с тобой!

Чэнь Нянь вспыхнул от смущения: с какой стати человек должен мокнуть под ливнем ради его обеда?

Но не успел он подняться, как Шафулай ладонью упёрся ему в плечо, усаживая обратно:

— Жди здесь.

И шагнул за порог класса.

Чэнь Нянь тут же выскочил в коридор и перевесился через перила. Внизу мелькнула знакомая светлая шевелюра — Шафулай раскрыл зонт и ступил прямо в заливающий всё вокруг поток.

По щеке брызнула влага. Чэнь Нянь вытер её тыльной стороной ладони, но стоило задрать голову, как порыв ветра швырнул дождевую морось прямо в глаза.

Вот чёрт.

Вдоль ограждения толпились ученики, разглядывая буйство стихии. Разве нормальный человек выберется наружу в такую кутерьму? Все взоры приковала к себе одинокая, спешащая фигура.

«И что за придурок?»

Чэнь Нянь сжимал кулаки от волнения. На улице бушевал настоящий ураган — удержит ли Шафулай зонт? И надо же было так глупо совпасть: сам остался без обеда, а отдуться приходится соседу по парте. И почему он сразу не отказался наотрез?

Прошло каких-то четыре минуты, когда в месиве из воды и ветра снова мелькнул тёмно-синий купол.

Чэнь Нянь повеселел. Он наблюдал, как Шафулай, перескакивая через ступеньки, взлетел на крыльцо, скрылся под навесом первого этажа и принялся энергично встряхивать зонт.

Чэнь Нянь рванул к лестнице. Словно вырвавшийся на волю воробей, он слетел по пустой лестничной клетке и оказался в холле рядом с соседом.

Шафулай бросил зонт на пол и наклонился, отжимая промокшие насквозь штанины и полы рубашки. С его платиновых волос срывались тяжелые капли, затекающие за воротник. А уж о кроссовках и говорить не приходилось — они превратились в два мокрых комка.

Чэнь Нянь подскочил ближе. Шафулай мазнул по нему взглядом, поднял левую ногу и сдёрнул обувь.

Чэнь Нянь подставил плечо, помогая удержать равновесие. Из левого кроссовка хлынул настоящий ручей, а следом та же участь постигла и правый.

— Спасибо тебе огромное, — от всего сердца произнёс Чэнь Нянь. Он быстро сдёрнул с себя олимпийку и, приподнявшись на цыпочки, набросил её Шафулаю на голову. — Вытри волосы, скорее!

— Да пустяки.

Шафулай не хотел пачкать чужую олимпийку. Он снял её с головы и замер: подкладка куртки оказалась полностью испещрена рисунками, сделанными чёрной гелевой ручкой.

На ткани теснились анимешные персонажи — миловидные девушки и юноши, нарисованные как в реалистичных пропорциях, так и в стиле чиби. Рисунки лепились друг к другу с такой плотностью, что за подобное любой учитель незамедлительно отправил бы отстирывать форму.

«Неужели Чэнь Цы способен так изрисовать собственную одежду?»

Сдерживая улыбку, Шафулай встряхнул олимпийку и развернул её подкладкой к себе, оценивая масштаб художеств.

— И сколько времени у тебя на это ушло? — поинтересовался он.

— Да так... когда делать нечего, калякаю потихоньку, — смущённо кашлянул Чэнь Нянь, забирая куртку. — Ты как, не замёрз?

— Скорее освежился.

На Шафулае действительно не осталось сухого места. Косой шквалистый дождь свёл пользу от зонта к минимуму — сухостью могла похвастаться разве что макушка. Насквозь промокшая рубашка липла к торсу, обрисовывая рельеф пресса, а брюки тяжёлой мокрой тканью облепили ноги.

Будь Чэнь Нянь обычным парнем, его взгляд остановился бы на кубиках пресса. Однако глаза сами собой соскользнули ниже. Чёткий рельеф, проступавший сквозь влажную ткань чёрных спортивных штанов, заставил Чэнь Няня усомниться: а они точно ровесники? Или... иностранцы просто созревают раньше?

Шафулай не заметил его оценивающего взгляда. Извлекая из-за пазухи полиэтиленовый пакет, он вытащил свёрток с обычным школьным сэндвичем-цзябин:

— Такое сойдёт? Совсем вылетело из головы спросить, что ты предпочитаешь.

— Да ты что, отлично! Я вообще неприхотлив, — Чэнь Нянь принял свёрток. Хлеб всё ещё хранил тепло — то ли от самой лепёшки, то ли от груди Шафулая.

Из начинки несмело высунулись две уродливые шляпки грибов.

Чэнь Нянь помедлил пару секунд, зажмурился и наобум откусил грибной край. Скороговоркой прожевал... и сглотнул.

Стоп. А ведь оказалось вовсе не так отвратительно, как в детских воспоминаниях? Может, всё дело в пикантном соусе и арахисовой крошке, которой кухарки щедро сдобрили лепёшку?

Протолкнув остатки еды в пищевод, Чэнь Нянь неожиданно понял, что его давняя неприязнь к грибам дала трещину.

Промокший до нитки Шафулай и доедающий сэндвич Чэнь Нянь вместе вернулись в класс.

Вытащив из парты рулон туалетной бумаги, Чэнь Нянь протянул его соседу, чтобы тот хотя бы немного подсушил одежду. Сам он в пару укусов покончил с лепёшкой и почувствовал, как приятное тепло разливается по желудку. На душе стало невероятно приятно. Какой же всё-таки замечательный человек этот... сосед его брата!

Сидеть в мокрой обуви было невыносимо, поэтому Шафулай просто сбросил кроссовки и упёрся голыми ступнями в перекладину парты. Позиция у окна, за спиной у сидевшего впереди одноклассника, надёжно скрывала его ноги от чужих глаз. Впрочем, летом многие ходили в открытых сандалиях, так что босые ноги не особо бросались бы в глаза.

Затяжной проливной дождь пустил под откос традиционную понедельничную линейку с поднятием флага.

Шафулай продолжал промокать рубашку, и при каждом его движении сквозь полупрозрачную от воды ткань прорисовывался чёткий рельеф пресса.

С трудом удерживая взгляд на уровне талии и волевым усилием запрещая себе смотреть ниже, Чэнь Нянь тихо заговорил:

— У тебя отличная фигура. Пресс прямо как с картинки.

У многих кубики располагаются асимметрично — из-за анатомии или неграмотных тренировок, — но у Шафулая всё выглядело идеальным анатомическим пособием.

— А? — Шафулай вскинул голову и, наткнувшись на пристальный взгляд Чэнь Няня, сфокусированный на его животе, почувствовал, как к щекам приливает жар.

— Да у парней пресс легко прорисовывается, — пробормотал он. — Главное, чтобы процент жира был низким, тогда кубики сами проступят.

— Да ну? — Чэнь Нянь недоверчиво пощупал свой мягкий животик.

М-да, у него тут красовался один сплошной «кубик».

— А можно я... — начал было Чэнь Нянь.

Но тут над ухом оглушительно зазвенел звонок на урок.

— Что ты сказал? — переспросил Шафулай, так и не расслышав конец фразы.

— Да ничего, забудь, — Чэнь Нянь выбросил из головы соблазн потрогать чужие кубики. В конце концов, невидаль какая! У него самого пресса нет, зато у отца имелся отличный — в детстве они с братом частенько засыпали, устроившись у папы на животе.

Первым уроком шла химия. Сам Чэнь Нянь учился на технаря и при должной усидчивости вполне мог бы освоить материал, но элитный класс опережал обычную программу целым учебником. Они уже вовсе проходили факультативный курс органической химии — область, в которой Чэнь Нянь был абсолютным нулём.

Поняв, что из объяснений учителя он не улавливает ни слова, парень расслабился и погрузился в размеренный шум дождя за окном, находя в этом особое очарование.

Увы, идиллия длилась недолго.

— Приготовились к самостоятельной! — отчеканил химик.

Класс дружно зашуршал черновиками. Чэнь Нянь повторил движения одноклассников, но тут учитель добавил:

— Несколько человек пойдут к доске.

Сердце Чэнь Няня ушло в пятки.

«Спокойно, в классе сорок восемь человек, шансы мизерные...»

— Чэнь Цы.

Учитель снайперски выцепил имя его брата.

Чэнь Нянь замер.

Худший кошмар воплотился в реальность.

Пальцы, сжимавшие ручку, судорожно сжались. Будь на его месте настоящий Чэнь Цы, он бы без лишних слов вышел к доске и щёлкал задания как орешки, ведь для брата не существовало неразрешимых задач. Но Чэнь Нянь-то был абсолютным пнём в органике! Что делать? Неужели его разоблачат прямо сейчас, на глазах у всего класса?!

Лихорадочно соображая, Чэнь Нянь медленно поднялся с места и ватными ногами поплёлся к кафедре.

Учитель назвал ещё троих учеников. Чэнь Нянь встал спиной к классу и в отчаянии въелся кусочком мела в чёрную поверхность, как вдруг над ухом прозвучал голос с лёгким северо-восточным говором:

— Учитель, можно я тоже выйду?

Чэнь Нянь резко обернулся.

Шафулай стоял у окна. За его спиной в стекло бился ливень, размывая потоки воды, а мягкий свет школьных ламп озарял яркие золотистые волосы и глубокие фиолетовые глаза. В этот миг он казался невероятным.

Пальцы Чэнь Няня дрогнули — мел с сухим треском переломился пополам, оставив на доске жирную белую точку.

Химик слегка удивился, но спорить не стал — проявляемая учениками инициатива всегда радовала:

— Хорошо, Шафулай, выходи.

Шафулай, шлёпая промокшими кроссовками, подошёл к Чэнь Няню. При каждом шаге из его подошв с тихим чавканьем выдавливалась вода.

Чэнь Нянь косился на него краем глаза и неожиданно встретился с ним взглядом. Шафулай едва заметно артикулировал губами: «Не знаешь — списывай у меня».

У Чэнь Няня защипало в носу от подступивших слёз.

Учитель зачитал первую формулу — разумеется, из органики. Чэнь Нянь не смыслил в этом ни бум-бум, поэтому заворожённо следил за тем, как быстро пишет сосед, и старательно срисовывал каждый символ.

Чтобы Чэнь Няню было удобнее подглядывать, Шафулай встал вплотную к нему. На фоне остальных троих учеников, равномерно распределившихся вдоль доски, эта парочка выглядела почти неразлучной.

Как художник, Чэнь Нянь обладал феноменальной зрительной памятью и снайперским глазомером. Натренированный на набросках, он схватывал незнакомые формулы с первого взгляда и без труда воспроизводил их — достаточно было воспринимать химические цепочки просто как замысловатый орнамент.

Когда десятое непонятное уравнение было успешно скопировано, учитель наконец объявил о завершении работы. Чэнь Нянь опустил мел; в том месте, где пальцы сжимали гипсовый брусок, остался влажный след от волнения.

Вернувшись на своё место вслед за Шафулаем, Чэнь Нянь облегчённо перевёл дух.

Шафулай снова скинул кроссовки — едва подсохшие ступни опять промокли от сырых стелек.

Пока химик проверял выполненные у доски записи, Чэнь Нянь аккуратно подвинул на край стола Шафулая листок из черновика.

На бумаге красовался нарисованный человечек, стоящий на коленях в потоках слёз и с выражением священного трепета на лице. Ни единого слова, но набросок лучше любых фраз передавал глубину признательности. Это смотрелось невероятно мило.

Губы Шафулая дрогнули в едва заметной улыбке.

Фу Тяньхэ глазел на крошечную родинку за ухом Чэнь Цы почти два урока подряд.

Теперь он абсолютно точно убедился: это именно родинка, а не какое-то пятнышко грязи.

Воспоминание о том, как пальцы касались нежной кожи за ухом юноши, до сих пор отзывалось фантомным теплом на подушечках пальцев, отчего Фу Тяньхэ никак не мог удобнее перехватить ручку.

Учитель физики увлечённо вещал у доски. И хотя это был его любимый предмет, Фу Тяньхэ никак не мог сосредоточиться, раз за разом ловя себя на том, что витает в облаках.

— Кто-нибудь справился с дополнительной задачей, которую я задавал в прошлый раз? — огласил вопрос преподаватель, возвращая паренька к реальности.

На последнем уроке в пятницу учитель выписал им убойное задание из олимпиадного практикума, предложив поломать над ним голову на выходных.

Большинство учеников специализированного класса благополучно выкинули сложную задачу из головы, а потому сейчас сидели, уткнувшись носами в парты. Поднял руку один лишь Фу Тяньхэ.

Взгляд физика, потеплев от одобрения, остановился на Фу Тяньхэ. Он души не чаял в этом парне — тот щёлкал физические задачи как орехи и по уровню легко мог утереть нос многим зубрилам из элитного класса.

Учитель уже собирался вызвать его, как вдруг заметил, что перед сидевшим спортсменом поднялась ещё одна рука.

Юноша сохранял абсолютное спокойствие, словно речь шла не о зубодробительной олимпиадной головоломке, а о сложении двух и двух.

Преподаватель на секунду опешил. А затем мгновенно изменил решение:

— Фу Тяньхэ, Чэнь Нянь, выходите-ка оба к доске. Напишите свои решения.